ИВАНЧУКЪ.

(МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ГР. М. А. МИЛОРАДОВИЧѢ).

(Отрывокъ 4-й).

Огромный Архаровскій *полкъ*, былая гвардія Москвы, въ которой надолго оставилъ онъ по себѣ память, начиналъ расформировываться и щедро вознаграждалъ ущербы, нанесенные Италіянскимъ походомъ многимъ напольнымъ полкамъ. Апшеронскій полкъ изъ этого же источника получилъ себѣ людей бойкихъ, граматныхъ, славныхъ пѣсенниковъ, гитаристовъ и лихихъ плясуновъ.

Старые армейскіе служаки, которыхъ одеревенѣлыя лица испечены были на двухъ солнцахъ: — на солнцѣ Молдавіи и солнцѣ Италійскомъ, которыхъ персты намозолились около ружейныхъ прикладовъ, называли новичковъ *бѣлоручками*: потому, что продолжительная вытяжная стойка во фронтѣ и трудовой бытъ солдата не были имъ довольно знакомы. Еще менѣе этотъ бытъ могъ быть по сердцу другимъ новичкамъ, молодымъ рекрутамъ!.. — Изъ глубины родныхъ лѣсовъ, изъ долинъ, обставленныхъ картинами горной природы, изъ степей, разостланныхъ отъ края до края видимаго неба, такъ живописно-освѣщаемыхъ ночнымъ огнями пастуховъ и земледѣловъ, молодой крестьянинъ (я говорю о рекрутѣ) вдругъ, какъ будто волшебнымъ мановеніемъ, переносится въ міръ вовсе для него *новый*, въ міръ невѣдомый, чуждый. Онъ перестаетъ быть, какъ бывалъ дотолѣ, отдѣльнымъ, своебытнымъ *я* и вливается въ составъ другаго огромнаго, усатаго, *страшнаго*, ремнями и желѣзомъ одѣтаго—*я*. Онъ становится единицею, называемою *солдатъ*, и втекаетъ въ тысячу, (часто въ сумму двухъ тысячь), называемую — полкъ. Но при этомъ рѣшительномъ погруженіи частицы въ составъ, въ природу общаго, всё-таки эта частица — живая, дышащая монада — затаиваетъ въ себѣ много памяти о быломъ, много побужденій влекущихъ къ родному.

Такъ было съ однимъ изъ рекрутъ, поступившихъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ изъ сосѣдственныхъ уѣздовъ Волыніи. — Его прозвище, какъ и многихъ другихъ, оканчивалось на *чукъ*, и его самого звали *Иванчукъ*. — При разборѣ рекрутъ, послѣ приговора: „*будетъ славный гренадеръ*!“ — молодой длинный *Иванчукъ* поступилъ въ *Шефскую роту*. Его привели подъ великій ностъ. Время было свободное, *фронтъ* не успѣлъ еще усвоить всю волю, весь досугъ рекрута, занятіемъ всѣхъ его мыслей, всѣхъ способностей. Послѣ краткаго одиночнаго ученья, онъ сидѣлъ одиноко на скамьѣ возлѣ квартиры своей, и, часто, безсмысленно, глядѣлъ какъ ходитъ солнце на небѣ, какъ таютъ снѣга на землѣ. Лице его продолговатое, неподвижное, изжелта-наливное безъ складокъ, не говорило ничего глазамъ прохожихъ. Но собственныя его глаза — голубоватые, стеклянистые кружки — рѣшительно доказывали, что онъ глядѣлъ и ничего не видѣлъ передъ собою. На лавкѣ, подлѣ квартиры сидѣло, какъ пустая квартира, одно — неловко-затянутое въ шинель, тѣло Иванчука, а самаго Иванчука *тамъ* не было!... Онъ гулялъ и разгуливалъ на своей родинѣ.... И какъ близка̀ была эта родина! только во 100 верстахъ, если идти всё прямикомъ, сперва по теченію *Горени*, а тамъ лѣсными дорожками и окольными стежками. И какъ хороша была эта родина! Горень, красавецъ Волынскихъ рѣкъ, текущій въ уровень съ полемъ, почти безъ береговъ, какъ картина безъ рамъ, имѣетъ видъ то протянутой ленты по гладкому раскату полей, то живой змѣи, ворочающейся между шелковыхъ луговъ и коричневыхъ пашенъ. Но достигнувъ *Полѣсья*, онъ добываетъ себѣ берега болѣе возвышенные, густо опушенные клёномъ, ясенемъ, ильмою. Подъ тѣнью этихъ лѣсовъ, простирающихся на дальнее пространство, встрѣчаются большія селенія, окруженныя садами и пассеками: ибо пчёлы любятъ затишье и привольные разлеты по лѣсамъ. Надобно пожить въ степи, чтобъ научиться вздыхать о лѣсахъ!.... Въ лѣсахъ есть *особыя* птицы! Степь вообще не благопріятствуетъ перна-

тымъ. Полетавъ надъ этимъ сухимъ моремъ, онѣ спѣшатъ въ свои вѣтвистые пріюты. По лѣсамъ, въ дуплахъ высокихъ деревъ, водятся дикія пчёлы, которыхъ некупленный мёдъ часто падаетъ янтарными каплями прямо въ уста деревенскаго мальчика. По лѣсамъ сторожатъ неуклюжаго медо-лиза медвѣдя; въ лѣсныхъ рѣкахъ хорошо ловится рыба! И всё это такъ тѣсно сливается съ первыми лѣтами дѣтства, такъ могущественно увлекаетъ къ родинѣ! — И вотъ куда улетали мысли *Иванчука*, заболѣвшаго, какъ мы видимъ, *тоскою по родинѣ*. — Онъ разгуливалъ по темнымъ лѣсамъ, заходилъ въ свѣтлую, обѣленную хату погостить къ отцу-матери, и ласково увивался вокругъ чернобровой *Дони* — сговоренной невѣсты своей! — Это состояніе — полусонъ, полу-бдѣніе — не было минутнымъ, скоропреходящимъ. Оно усвоилось молодому рекруту и превратилось наконецъ, какъ мы сказали, въ болѣзнь нравственную, не совсѣмъ извѣстную врачамъ. Пользуясь досугомъ, онъ сидѣлъ ничего не дѣлая; глядѣлъ никого не видя. Наконецъ, соблазняемый болѣе и болѣе какимъ-то внутреннимъ голосомъ, собрался и сдѣлалъ *первый побѣгъ изъ полку*. Не долго поскитался онъ около родной хижины, да какъ и быть этому иначе! Ему ли длинному, неуклюжему схорониться подъ кустомъ, запасть въ травѣ, залечь невидимкою подъ грудою валежника или бурелома? Иное дѣло, еслибъ онъ былъ не великъ ростомъ да широкъ въ плечахъ, живъ да поворотливъ; еслибъ могъ взобраться на дерево какъ бѣлка, заползти подъ колоду какъ змѣя. Иное дѣло, еслибъ онъ былъ изворотливъ въ рѣчахъ, находчивъ въ опасности! А то куда ему долговязому! Онъ шагалъ своими гусиными ногами, слонялся по лѣсу, подходилъ, не разбирая поры-времени, къ самому селенію, а если и думалъ спрятаться, то — какъ говорится: „голову въ нору, а ноги на показъ!“ ... Все это кончилось тѣмъ, что сельскіе старшины подмѣтили, схватили и привезли его *связаннаго* въ полкъ. Съ Иванчукомъ случилось тоже, что съ человѣкомъ,

который, при сильной жаждѣ, пошелъ напиться, и, не дойдя до колодца, принужденъ воротиться! При первой возможности онъ готовъ повторить предпріятіе. Такъ и сдѣлалъ бѣднякъ ополоумѣвшій рекрутъ! *Онъ учинилъ второй побѣгъ изъ полка!....* На этотъ разъ самъ отецъ Иванчука, старикъ съ запекшимся отъ солнца лицёмъ, привёзъ бѣглеца къ начальству. На *первый* побѣгъ смотрятъ часто сквозь пальцы, *побѣгъ вторичный* подходитъ ужѐ совсѣмъ *подъ другія условія!....* Бѣглеца привели въ городъ, посадили на гаубтвахту, и, какъ слѣдуетъ, предали *военному* суду. Поздно понялъ молодой рекрутъ всю мѣру сдѣланнаго имъ преступленія! Можетъ быть охотно желалъ бы онъ загладить вину свою и вѣрною службою и самою кровію, но тяжелая рука закона ужѐ лежала на нёмъ!....Онъ могъ только горевать и плакать, и, неокрѣплый еще въ бѣдахъ жизни, онъ плакалъ о нарушенной присягѣ, о потерянной чести.

Военный судъ призналъ бѣглеца виновнымъ и произнёсъ приговоръ: „*прогнать сквозь строй*" — извѣстное число разъ черезъ полкъ, или (за несборомъ полка) чрезъ *комплектную* роту. Но приговоръ не исполнялся долго. Шефу полка, Милорадовичу, всё какъ-то некогда было подписать бумагу. Любители строгаго порядка и точности ужѐ поговаривали, изъ-подъ руки: „Богъ знаетъ? за чѣмъ держутъ этого рекрута." „Отзвонилъ, да и съ колокольни долой! Отодрать бы и въ роту на чёрную работу!"

Въ такомъ положеніи были дѣла въ то время, о которомъ я хочу говорить.

Дѣло Иванчука заняло весь городъ. Поляки выходили изъ себя отъ жалости. Тутъ участвовало, можетъ быть, тайное негодованіе на суровость обычаевъ, на строгость *Московскихъ* законовъ. Но это негодованіе — если только оно существовало — было несправедливо! — Побѣгъ — особливо вторичный — вездѣ *побѣгъ!* — Въ арміяхъ нѣкоторыхъ державъ казнится онъ смертію. Конечно не равны *причины* къ побѣгу и

въ этомъ отношеніи молодой рекрутъ, о которомъ идётъ рѣчь, вполнѣ заслуживалъ всеобщее сопраданіе. О немъ жалѣли и Русскіе, а Польки только и говорили о *бѣдномъ солдатѣ*. На гуляньѣ, въ вечернихъ бесѣдахъ, при всякой встрѣчѣ съ Русскими, прекрасныя адвокатки, съ жаромъ искренняго участія, спрашивали: „*co to będze?*" „Что будетъ съ бѣднымъ арестантомъ?— Имъ отвѣчали умѣреннымъ тономъ, не скрывая даже чувства сожалѣнія къ виновному. Но случалось напасть и на какого-нибудь отчаяннаго фрунтовика, который, вытянувшись въ струнку, и, опустя руки по швамъ, на вопросъ: „*что будетъ?*" отвѣчалъ скороговоркою: „Будетъ-съ худо! очень худо! Наши гренадеры не дадутъ промаха; отдѣлаютъ такъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудетъ.... кòли еще живъ будетъ." Красавицы ахали и при одномъ молодецкомъ разсказѣ едва не падали въ обморокъ.

Милорадовичь зналъ всё это по слуху, и чрезъ жидковъ своихъ *факторовъ*, которые совались изъ угла въ уголъ, и приносили ему городскія вѣсти. Но дѣло Иванчука отъ этого не подвигалось.

Апшеронскій полкъ состоялъ въ дивизіи Графа Ланжерона, который жилъ въ Брестѣ, а всѣ Волынскія войска находились подъ главнымъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича, любившаго Милорадовича какъ сослуживца въ Италіи, какъ любимца Суворова.

Въ поведеніи Милорадовича замѣтна стала какая-то особенность. Въ *почтовые дни*, вмѣсто того, чтобъ, по всегдашнему обыкновенію, диктовать бумаги вслухъ, декламируя и расхаживая по комнатѣ, или лежа, растянувшись на диванѣ, онъ уединялся въ особый уголокъ, и писалъ, писалъ.... Потомъ самъ дѣлалъ конвертъ, запечатывалъ его съ особенною тщательностію, и, съ надписью: „въ Брестъ" или: „С.-Петербургъ," — отдавалъ для отсылки. Съ почты приказалъ онъ также приносить бумаги прямо къ себѣ, и, распечатывая всѣ, откладывалъ въ сторону нѣкоторыя. — Въ это же вре-

мя чаще обыкновеннаго, перешёптывался онъ съ Иваномъ Никитичемъ (*). Но дѣло Иванчука нисколько отъ того не двигалось!

Наконецъ насталъ день исполненія *судебнаго приговора.* Арестантъ ужь слишкомъ долго содержался подъ карауломъ: порà было съ нимъ раздѣлаться. Притомъ же одна рота, переходя на новыя квартиры, какъ нарочно пріостановилась въ предмѣстьѣ города. Не успѣло еще начальство сдѣлать надлежащія распоряженія, какъ жидки—все-*знайки* затрезвонили по городу.... Всё встрепенулось, всякій вышелъ изъ своей привычной колеи. Городъ какъ будто сдвинулся съ мѣста! — Еще съ самаго утра миловидныя *Паненки*, какъ живыя картинки, вставили свои личики въ рамы оконъ и не сходили съ мѣста; Паны̀ въ старинныхъ кунтушахъ, съ золотыми застёжками, также поглядывали искоса на улицу и хмурились. Всѣ ожидали, когда поведутъ преступника. Жиды первые вышли на сцену. Въ запачканныхъ кафтанахъ, полу-босые, полу-оборванные, они захватили мѣста на крыльцахъ, чердакахъ и даже на кровляхъ своихъ *аустерій* — такъ называются Польскія корчмы. Вдругъ — раздались по улицамъ грохотъ звонко-рокочущаго *барабана* и рѣзкіе высвисты флейты. Всѣ двери распахнулись, окна стали зѣвать, и цѣлые ряды головъ высунулись наружу; а толпа зѣвакъ уличныхъ, сперва скучавшая, разсучилась въ двѣ длинныя нити, и вытянулась по длиннымъ тротуарамъ Жиды остави ли свои вышки, и цѣлымъ каналомъ побѣжали въ авангардѣ къ заставѣ. Преступника вели по большой улицѣ.

Состоя въ должности полковаго *Адъютанта*, я поспѣшилъ къ Милорадовичу. — Одинъ въ своей комнатѣ, облокотясь на край, ужѐ знакомаго намъ зеленаго дивана, онъ курилъ спокойно благовонный табакъ. Общее движеніе въ городѣ казалось не коснулось его.... „Знаешь, душа моя!“ — заговорилъ онъ: „мнѣ кажется это зеркало „надобно переставить вотъ туда-то! Тогда, вотъ ви-

---

(*) Смотри отрывокъ 2-й.

„дишь, въ углѣ будетъ болѣе простора; а тамъ нарисуется новый видъ съ улицы.... Э! не правда ли?“ Можетъ быть это была и правда, но у меня на умѣ было совсѣмъ не *зеркало*.... Я пріѣхалъ по дѣлу, не терпящему отлагательства, и подумалъ, какъ и *многіе* часто думали объ нёмъ про себя и вслухъ: — „охота же ему заниматься перестановкою мебели!“ Я подумалъ еще: „Не можетъ быть, чтобъ онъ не слыхалъ барабаннаго боя и не замѣтилъ, что всѣ его слуги бросились на улицу.... Отъ чегожь такое ледяное спокойствіе?!“ Въ слѣдствіе этихъ размышленій я не отвѣчалъ на вопросъ о *зеркалѣ*, и Милорадовичь, улыбнувшись продолжалъ:

— А что? — Ужь повели? —

„Повели, Ваше Превосходительство!“

— А *приказъ* написанъ?

„Еще вчера.“

— Прочти.

Я прочёлъ.

— Приказъ не годится.

Самолюбіе мое подстрекнулось, и я отвѣчалъ, можетъ быть, немножко брюзгливо: — въ этомъ приказѣ, какъ изволите видѣть, помѣщено *опредѣленіе военнаго суда*; другаго нечего писать!

— Я вижу. Но приказъ твой не хорошъ!.. Пишите!......

И вдругъ засуетилъ, закипятилъ, какъ будто домъ горѣлъ.... Захлопалъ въ ладоши, явился человѣкъ.

— Чернилъ! перо! бумаги!

И оборотясь ко мнѣ:

— Садись гдѣ-нибудь-здѣсь, тамъ.... Пиши..... Пиши“....

Я сѣлъ, изготовился къ письму и слушалъ....

— Только, пожалуй-ста, не начинай приказъ словами: „такъ какъ.“ Я ненавижу *этѣхъ* словъ и (и началъ передразнивать) *такъ-какъ*..... N. N. вѣчно начинаетъ приказы свои съ *такъ-какъ*, а я терпѣть не могу этого начала!......... ..

Наконецъ всё уладилось, и онъ продиктовалъ мнѣ *приказъ*, изъ котораго сообщаю только то, что составляло сущность дѣла. Послѣ первыхъ оговорокъ, онъ продолжалъ: „По предварительному сношенію съ Высшимъ „Начальствомъ, которое соблаговолило уважить пред„ставленныя мною *причины*, я имѣлъ счастье *исхода„тайствовать* (это его любимое слово) рядовому изъ „рекрутъ *Иванчуку*, за *вторичный побѣгъ* его — *прощеніе*. „Въ *слѣдствіе чего* (опять его привычное, въ бумагахъ, „слово) виноватаго рекрута отъ тѣлеснаго наказанія „освободить и переслать въ дальную мушкетерскую „роту. Полковому священнику рекомендую сдѣлать „Иванчуку приличное *отеческое* увѣщаніе; а Капитанъ*** „имѣетъ поручить его строгому надзору двухъ ста„рыхъ мушкетеръ, бывшихъ со мною въ Италіи.“

„Готово?“

— Готово!

„Подай!“ И тутъ размашистымъ почеркомъ, съ живописнымъ крючкомъ, подмахнулъ онъ: „*Милорадовичъ!*“

„Есть у тебя лошадь?“

— Есть!

„Гдѣ она?“

— У крыльца Вашего Превосходительства.

„Ну, скорѣй — съ Богомъ!“

Я кинулся на лошадь и поскакалъ за городъ....

Не далёко отъ лѣска — любимаго гулянья прекрасныхъ жительницъ города Ровно — на возвышенномъ мѣстѣ вытянуты были двѣ линіи солдатъ.

Зеленыя прутья ужѐ посвистывали, зыблясь въ бронзированныхъ рукахъ усатыхъ гренадеръ.

Преступникъ, ни живъ, ни мёртвъ, стоялъ полуобнаженнымъ. — Аудиторъ готовился прочесть *пунктъ* изъ устава. При видѣ скачущаго съ *приказомъ* всѣ изготовились. Прутья еще живѣе зашевелились и засвистали въ воздухѣ; нѣкоторые изъ солдатъ пересылали другъ другу *шутливое словцо* на счётъ *зеленой рощи* и предстоящей прогулки. Бѣдный рекрутъ всё видѣлъ, слышалъ и молчалъ; или, можетъ быть, ничего не ви-

дя, ничего не слушая, стоялъ въ какомъ-то безмолвномъ оцѣпенѣніи и только, по временамъ, *вздрагивалъ....*

— „Мы долго васъ ожидали!" — сказалъ бывшій въ нарядѣ Штабъ-Офицеръ: „пора къ дѣлу!.." При словѣ: „пора!" у бѣднаго арестанта вся кровь брызнула въ лице, и, разцвѣтивъ на минуту изжелта-блѣдныя щёки, кинулась къ сердцу, и, вѣроятно, застыла на нёмъ.

— Меня задержалъ Генералъ! — отвѣчалъ я, не открывая настоящей причины, и, сойдя съ лошади, искалъ помѣститься гдѣ нибудь повыше и началъ читать громкимъ голосомъ. Можно вообразить какъ удивились офицеры и солдаты, услышавъ слово: „прощеніе!" — Прутья полетѣли въ сторону, гренадеры весело заговорили, преступникъ глядѣлъ мутными глазами и не понималъ, что около него дѣлалось. — Жиды первые открыли обратное шествіе. Пестрою, лохмотною толпою побѣжали они впередъ по улицамъ, крича встрѣчному и поперечному: „прассонъ! прассонъ!"

Впослѣдствіи *Иванчукъ* заслужилъ свое прощеніе. Онъ славно выучился ружейнымъ пріемамъ, ловко вытягивалъ свои длинныя ноги, и, въ сраженіи при Амштетенѣ получилъ двѣ раны.

На другой день Милорадовичу, окруженному обществомъ офицеровъ, которые зашли къ нему съ разводу, доложили о приходѣ Ксенза *Пробоща-Добровольскаго* — главнаго лица въ Католицкомъ духовенствѣ города. — „Просить!" сказалъ Милорадовичь.

Въ скромной одеждѣ коричневаго цвѣта вошелъ человѣкъ большаго роста, съ томными голубоватыми глазами, въ лицёмъ очень замѣчательнымъ, отмѣченнымъ явственнымъ оттѣнкомъ меланхоліи, можетъ быть ему природной. Поклонясь скромно, но съ чувствомъ своего достоинства, онъ началъ:

„Генералъ! вчерашнее дѣло ваше — дѣло высокой „любви и милосердія — наполнило городъ нашъ радо„стію великаго праздника. Люди разныхъ состояній и „вѣръ встрѣтились на *одномъ* и томъ же чувствѣ —

„на чувствѣ удивленія и благодарности. Вы знаете, „кому удивляются, вы знаете *кого* благодарятъ! — „При такомъ общемъ расположеніи, можетъ ли остаться безмолвною церковь? Отъ ея-то лица пришелъ я „поблагодарить васъ, Генералъ! — Подъ счастливою „державою Александра 1го мы всѣ слились въ одно „семейство; всѣ стали братьями, и потому не считайте, чтобъ я благодарилъ васъ за *родака* (соотечественника); я благодарю васъ — *за человѣка*! Прекрасная будущность открывается вамъ! Лавры, ужѐ пріобрѣтенные, служатъ порукою за пріобрѣтеніе новыхъ. „Вы еще цвѣтете жизнію и здравіемъ.... Но если когда-нибудь и до вашего чела, теперь свѣтлаго, коснётся горе жизни, если сердце ваше узнаетъ значеніе „тоски, то вспомните, Генералъ! что предъ Богомъ „милосердія и великихъ помилованій, молится за васъ „*Церковь* и человѣкъ вами помилованный!"

Руки присутствующихъ невольно опустились въ карманы за платками. У самаго Милорадовича сверкнули слёзы. Но онъ далъ крутой оборотъ дѣлу. Пожавъ съ чувствомъ руку Пробоща, онъ вдругъ оборотился къ полковому квартермистру *Б. Х-ву.*

„Сколько у насъ въ экономіи?"

— Есть до шести тысячь, Выше Превосходительство!

„Браво! у насъ будутъ *два* прекрасныхъ бала!"....

И тутъ началъ распространяться о своихъ намѣреніяхъ созвать болѣе гостей и *сломать болѣе стѣнъ* въ домѣ, чтобъ дать просторъ гостямъ на предстоящихъ балахъ. — „Конфектъ и шампанскаго!" — кричалъ онъ, „чтобъ не было недостатковъ!... *Я* не люблю *мелочной расчётливости.*"....

Всѣ веселились заранѣе, ожидая баловъ, только *панъ Горецкій* (хозяинъ дома) крѣпко морщился при словахъ: „*изломать стѣны*!"....

Ѳ. Глинка.